

Е. М. Чекалина

СУДЬБА И СТАТУС ИМЕН ЛИЦА ЖЕНСКОГО РОДА В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ И ОБЩЕСТВЕ

В современной Швеции женщины стали выполнять все или почти все социальные роли, которые прежде были исключительно или предпочтительно мужскими. Как писала в одной из своих заметок о языке в газете “Dagens Nyheter” известный специалист в области языковой политики Катарина Грюнбаум в начале 90-х годов минувшего века, «в Швеции женщины могут и умеют делать почти все то, что и мужчины, — пить пунш, играть в карты, летать в космос, возглавлять правительства, воевать с оружием в руках»¹ (здесь и ниже перевод мой. — Е. Ч.). В современном шведском языке в большинстве случаев новые социальные роли женщин обозначаются существительными общего рода, относившимися ранее к парадигматическому мужскому роду и в течение длительного времени, вплоть до середины XX века, сохранявшими указание на семантический мужской род — такими, как *astronaut* ‘космонавт’, *premiärminister* ‘премьер-министр’, *soldat* ‘солдат’, *student* ‘студент’. Тем самым слова, принадлежащие парадигматическому общему роду, многие из которых являются интернациональными и имеют иноязычное происхождение, приобрели новую функцию обозначения семантического общего рода. Данная тенденция затронула в первую очередь существительные с суффиксом имен лица *-are*, имеющим наиболее высокую продуктивность, а также с другими суффиксами той же семантики иноязычного происхождения: *-ör* (*akupunktör* ‘иглотерапевт’, ‘рефлексотерапевт’, *ambassadör* ‘посол’, *arrangör* ‘организатор’, ‘устроитель’, *direktör* ‘директор’, *informatör* ‘сотрудник отдела по связям с об-

щественностью', *ingenjör* 'инженер', *instruktör* 'инструктор', *konduktör* 'кондуктор', *repetitör* 'репетитор'), -er (*minister* 'министр', *musiker* 'музыкант', *politiker* 'политик'), -or (*doktor* 'доктор', *professor* 'профессор', *registrator* 'регистратор', *revisor* 'ревизор'), -är (*militär* 'военный', *missionär* 'миссионер'), -ist (*artist* 'артист'), -and (*doktorand* 'докторант'), -ant (*trafikant* 'участник дорожного движения'), -ent (*abonnent* 'абонент', *dirigent* 'дирижер', *konsulent* 'консультант'), -log (*psykolog* 'психолог', *teolog* 'теолог'), -graf (*fotograf* 'фотограф') и некоторые другие. Особенно ярко это проявляется в официально принятых обозначениях различных профессий: таких, которые могут иметь представители обоих полов (например, *bilförare* 'водитель автомобиля', *läkare* 'врач', *sekreterare* 'секретарь'), для которых в шведском языке не возникло женских наименований с соответствующими суффиксами (см. ниже), или все еще остающихся преимущественно женскими (например, *småskollärare* 'учитель/-ница младшей школы').

Одновременно с этим в последние десятилетия стали значительно менее употребительными и приобрели особые стилистические коннотации или вовсе вышли из речевого обихода имена лиц женского пола с суффиксами немецкого и французского происхождения -inna (*hjältinna* 'героиня', *väninna* 'подруга'), -ska (*studentska* 'студентка'), -erska (*lejonätamjerska* 'укротительница львов', *tiggerska* 'нищенка, попрошайка'), -örska (*snabbköpskassörska* 'кассирша в супермаркете', *postkassörska* 'почтовый операционист'), -tris (*aviatris* 'авиаторша', *inspektris* 'инспектриса', *instruktris* 'инструкторша', *konduktris* 'кондукторша', *operatris* 'операционистка'), -ös (*brodös* 'вышивальщица', *dansös* 'танцовщица', *disös* 'чтуща', *massös* 'массажистка', *retuschös* 'пемущер'), -issa (*abbedissa* 'игуменья'), -essa (*prinsessa* 'принцесса')². Так, существительные *lärarinna* 'учительница', *författarinna* 'писательница', *väninna* 'подруга', *hjältinna* 'героиня' получили заметную пейоративную окраску, а первые два слова перестали употребляться для обозначения профессий не только в официально-деловой, но и в нейтральной речи. Для современного носителя шведского языка они звучат примерно так же, как русские слова с уменьшительным суффиксом -ка: *писателка*, *училка* и *подружка*. Обсуждая эту проблему, сотрудник Совета по шведскому языку Биргитта Линдгрэн отмечала, что слово *hjältinna* 'героиня' будет использовано в отношении женщины, которой с большим трудом удалось достать билеты в кино для своих друзей, но если она с риском для себя спасла жизнь близких, о ней скорее скажут, что она *hjalte* 'герой'³. На пейоративную окраску того же существительного указывает приведенный в Шведском словаре словоупотреблений контекст: *Dagens*

*hjältinna är en äldre alert dam som hjälpte brandkåren att hitta till rätt adress*⁴ ('Героиня дня — пожилая бойкая дама, которая помогла пожарной команде найти нужный адрес').

Тенденция к прагматистическому снижению производных существительных с суффиксами, маркирующими семантический женский род, проявляется и в том, что носителями языка на основе игры слов по этим моделям могут создаваться новые слова, изначально имеющие пейоративный характер, например *naturvetarinna* — букв. *естественница* (о занимающихся естественными науками специалисте, научном сотруднике или студентке), *medaljös* 'медалистка' или *poetissa* 'поэтесса'⁵. Как показывают переводные эквиваленты, в русском языке эти слова также являются стилистически маркированными, но имеют различный функционально-стилистический статус.

Показательно, что в немецком языке, которому присуща трехродовая система именного склонения, имеет место противоположная тенденция, которую шведские языковеды объясняют исключительно сильным влиянием феминистской идеологии⁶. Аналогичный шведскому немецкий суффикс (который был заимствован в шведский язык из немецкого), маркирующий семантический женский род, при обозначении профессий и социального статуса женщин приобрел большую продуктивность и стал обязательным в таких словах, как *Ärztin* 'женщина-врач', *Doktorin* 'женщина с ученой степенью доктора', *Kollegin* 'коллега', *Lehrerin* 'учительница', *Professorin* 'женщина-профессор', *Reporterin* 'женщина-репортер' и др. Отмеченное различие убедительно показано в таблице наиболее употребительных официально принятых шведских названий профессий и их немецких соответствий, которая приводится автором контрастивного исследования о категориях рода и одушевленности в этих языках⁷:

Профессии, в которых доминируют женщины: *försäljare* — *Verkäufer/-in* 'продавец, продащица'; *barnskötare* — *Erzieher/-in* 'воспитатель, воспитательница, няня (в детском саду)'; *hotell- och kontorsstädare* — *Hotel- und Büroreiniger/-in* 'уборщик, уборщица (в гостиницах и офисах)'; *grundskollärare* — *Grundschullehrer/-in* 'учитель, учительница средней школы'; *förskolelärare* — *Vorschullehrer/-in*, *Erzieher/-in* 'воспитатель, воспитательница детского сада, педагог дошкольного обучения'; *bokförings- och redovisningsassistent* — *Buchhalter/-in* 'бухгалтер'; *skötare, vårdare* — *Pfleger/-in* 'санитар, санитарка'; *administrativ assistent* — *Verwaltungsassistent/-in* 'помощник администратора'.

Профессии, в которых доминируют мужчины: *företagssäljare* — *Kaufmann/-frau* ‘продавец, продащица’; *system(er)are* — *Systemtechniker/-in* ‘системный инженер-программист’; *programmerare* — *Programmierer/-in* ‘программист’; *lastbils- och långtradatchaufför* — *Kraftfahrer/-in* ‘водитель грузовиков и трейлеров’; *byggnadsträarbetare* — *Bauarbeiter/-in, -tischler-in* ‘строительный рабочий-столяр’; *datatekniker* — *Computertechniker/-in* ‘компьютерный техник’; *fastighetsskötare* — *Hausmeister/-in* ‘комендант (здания), завхоз, дворник’; *chef (mindre företag)* — *Chef/-in (Kleinbetrieb)* ‘руководитель, директор (небольшого предприятия)’; *växtodlare* — *Pflanzenzüchter/-in* ‘растениевод, селекционер’; *byggingenjör* — *Bauingenieur/-in* ‘инженер-строитель’.

Можно предположить, однако, что эти различия обусловлены не только и, возможно, даже не столько социолингвистическими различиями, связанными с феминистской идеологией, сколько «давлением» системной парадигматики на семантические аспекты родовой дифференциации, а именно — наличием устойчивой трехродовой системы именного склонения в немецком языке.

На ограниченном участке языковой системы аналогичная тенденция, вероятно, имеет место и в норвежском языке, где не только в диалектах, но и в литературном букмоле сохраняется принадлежность ряда существительных к женскому роду, что также находит выражение в именной парадигматике. Так, Совет по норвежскому языку не рекомендует использование имен лица с «мужским» полусуффиксом *-mann* применительно к женщинам. Поэтому вместо существительного *formann* ‘председатель’ (швед. *ordförande*), если таковым является женщина, используется слово *leier* (букв. ‘лидер, руководитель’, швед. *ledare*)⁸. Слово *rådmann* ‘руководитель местной администрации’ заменено в тексте закона о местном самоуправлении нейтральным с точки зрения семантического рода композитом *administrasjonssjef*, а вместо существительного *varamann* ‘заместитель’ используется композит *varamedlem* или усеченное слово *vara*. Напротив, для обозначения лиц, совершивших преступные деяния, в норвежском языке употребляются обозначения, коррелирующие по семантическому роду: *gjerningsmann* ‘преступник’ / *gjerningskvinne* ‘преступница’.

Комментируя имеющиеся в этой области различия между шведским и другими германскими языками, К. Грюнбаум подчеркивала, что в Швеции не было столь бурных дебатов феминистского толка, как в Германии или Норвегии. «Это дало нам преимущество, которое состоит в том, что многие прежние обозначения с семантикой мужского рода стали употреби-

тельными и для женщин. Мы избежали также и предлагавшихся для других языков непрактичных, порой нелепых и смешных решений, связанных с соблюдением справедливости и равенства полов в языке, которые сами по себе не устраняют несправедливости и неравенства в жизни»⁹.

Шведские лингвисты также отмечают, что в английском языке имеется значительно меньше личных имен, содержащих указание на семантический женский род, чем в шведском, хотя и в их родном языке таких существительных относительно немного. Именно этим объясняется наблюдаемая в английском языке и аналогичная шведской тенденция к замене их средствами, устраняющими указание на семантический мужской род. Так, в американском варианте английского языка также не рекомендуется использование существительных с «мужским» полусуффиксом, если речь идет о женщинах или представителях обоих полов, например *businessman* 'предприниматель', *chairman* 'председатель', *layman* 'дилетант', *spokesman* 'представитель'. Вместо них предлагается использовать новые слова, в состав которых входит нейтральный с точки зрения семантики рода второй компонент *-person*, например: *businessperson*, *chairperson* (или усеченное *chair*), *layperson*, *spokesperson*¹⁰. При обозначении профессий, выполняемых женщинами, существительные с компонентом *-man* также заменяются другими словами. Так, вместо существительных *brandman* 'пожарный' и *policeman* 'полицейский', сохраняющих «скрытую память» языка¹¹, стали использоваться производные с суффиксом имени деятеля *fire-fighter* и близкое к композиту словосочетание *police officer*. Можно предположить, что причина этого, на поверхности имеющая отношение только к внешней лингвистике, также коренится в системном устройстве английского языка, связанном с отсутствием родовой дифференциации в именной парадигматике. «В английском языке различение родов устраняется из именной области и остается единственно только в местоимении 3-го лица и в связи с этим в глаголе»¹².

Однако и в шведском языке проблема использования имен лица с компонентом *-man* не решается однозначно. Так, целый ряд новых социальных ролей женщин безоговорочно может обозначаться такими существительными, например: *ombudsman* 'омбудсмен, уполномоченный', *nämndeman* 'судебный заседатель', *tjänsteman* 'служащий, должностное лицо'. При обозначении профессий и должностей в ситуациях, требующих указания на конкретное лицо, такие слова обычно сопровождаются именами собственными, что снимает гендерную проблему: *styrman Annika Svensson* 'управляющий Анника Свенссон'; *barnavårdsman Elsie Blom* 'работник патронажной

службы (помогавшей одиноким родителям и упраздненной в 1981 году) Элси Блум¹³. Устойчивость обозначения такой социальной роли, как *talman* 'спикер парламента', по-видимому, объясняется характерной для Швеции стабильностью традиционных политических институтов и их названий. В тех случаях, когда роль спикера в шведском риксдаге выполняет женщина, ее традиционное обозначение предваряется титулом вежливости *fru* 'госпожа', эксплицирующим семантический женский род: *fru talman* 'госпожа спикер'. В то же время, как пишут шведские нормализаторы и языковеды, применительно к женщинам-членам риксдага нежелательно употребление слова *riksdagsman*, которое используется только когда речь идет о мужчинах. Вместо него в официальных ситуациях рекомендуется композит *riksdagsledamot*¹⁴.

Как показывают последние работы шведских специалистов, устойчивость группировки личных имен с полусуффиксом *-man* поддерживается функционированием *man* как самостоятельного слова в двух частеречных «ипостасях» — существительного со значением 'мужчина', 'муж' и неопределенно-личного местоимения. Этим объясняется использование альтернативных слов с различной морфологической структурой, лишенных указания на гендерную принадлежность референта¹⁵.

1. Непроизводное существительное:

polisman 'полицейский' *polis*.

2. Производные существительные с суффиксами имен деятеля:

idrottsman 'спортсмен' *idrottare*;

justeringsman 'лицо, заверяющее протокол' *justerare*;

vetenskapsman 'ученый, научный работник' *forskare*, *vetenskapare*;

värderingsman 'оценщик' *värderare*;

statsman 'политик, государственный деятель' *politiker*.

3. Двухосновные сращения с теми же суффиксами:

bankman 'сотрудник банка' *bankrådgivare*.

4. Сложные слова:

riksdagsman 'член риксдага' *riksdagsledamot*.

5. Производные или сложные слова:

hallåman 'диктор' *programpresentatör*, *programvärd*;

talesman 'представитель, уполномоченный' *representant*, *föreläsare*, *språkrör*.

Однако такие существительные применяются для обозначения семантического общего рода только в официальных документах, создаваемых на основе нормативной регламентации, а в реальной речевой практике носи-

телей шведского языка используются далеко не всегда и только по отношению к женщинам. Как отмечал У. Телеман, употребление именовании лиц семантического общего рода в сфере официальной коммуникации отражает ее дистанцированный характер. В ситуациях коммуникативной близости (швед. *närsfären*), например при общении в семье, указание на семантический мужской или женский род является естественным и даже необходимым¹⁶. Имена деятеля, которые не только грамматически, но и семантически относятся к общему роду, употребляются для выражения социальной функции референта, на что обращали внимание шведские специалисты¹⁷. Таким образом, в шведском языке выбор слов с различной морфологической структурой основывается на их прагматической дифференциации: социальная **функция** (слова, не дифференцирующие семантический общий род) — конкретный индивидуальный **образ** (слова, содержащие указание на семантический мужской или женский род). Важно подчеркнуть, что отмеченное различие находит проявление и в шведской грамматике — при выборе безартиклевой формы имен лица для обозначения социальной функции или формы с неопределенным артиклем для указания на характеристику конкретного референта, чаще всего с оценочной коннотацией; ср.: *Han är snickare (svensk, katolik, socialdemokrat, diabetiker, änkeman)*. 'Он столяр (швед, католик, социал-демократ, диабетик, вдовец)'. // *Han är en skicklig yrkesman // en hedersknyffel*. 'Он искусный мастер // славный парень'¹⁸. Показательно, что в английском языке, именная парадигматика которого лишена родовых различий, подобная прагматическая дифференциация отсутствует, а существительные с синтаксической функцией предикатива в составе именного сказуемого всегда употребляются с неопределенным артиклем.

В тех случаях, когда акцентируется указание на лицо, представляющее в конкретном образе, с необходимостью предполагающем указание на пол, дифференциация имен лица с различной морфологической структурой по семантическому роду во многих случаях сохраняется. Эта тенденция наблюдается в различных лексико-семантических группировках одушевленных существительных, относящихся к именам деятеля или класса¹⁹:

1. Обозначения национальной и этнической принадлежности:

engelsman 'англичанин' — *engelska* 'англичанка'; *fransman* 'француз' — *fransyska* 'француженка'; *norrman* 'норвежец' — *norska* 'норвежка'; *grek* 'грек' — *grekinna / grekiska* 'гречанка'; *jude* 'еврей' — *judinna* 'еврейка'.

2. Имена титулованных светских и церковных лиц:

greve 'граф' — *grevinna* 'графиня'; *prins* 'принц' — *prinsessa* 'принцесса'; *diakon* 'диакон' — *diakonissa* 'диакониса, сестра милосердия' (в приютах, благотворительных обществах при церковной общине).

3. Обозначения спортсменов, выступающих в зрелищных видах спорта:

simmare 'пловец' — *simmerska* 'пловчиха'; *konst-/skid-/skridsko-/slalomåkare* 'фигурист, конькобежец, лыжник, горнолыжник' — *konst-/skid-/skridsko-/slalomåkerska* 'фигуристка, конькобежка, лыжница, горнолыжница'.

4. Обозначения представителей зрелищных видов искусства:

dansör 'танцор' — *dansös* 'танцовщица'; *skådespelare* 'актер' — *skådespelerska* 'актриса'; *sångare* 'певец' — *sångerska* 'певица'.

5. Обозначения работников сферы обслуживания:

demonstratör 'демонстратор, служащий компании, демонстрирующий продукцию' (покупателям, клиентам) — *demonstratris* 'служащая компании, демонстрирующая продукцию'; *flyg-/tågvärd* 'стюард, проводник' — *flyg-/tågvärdinna* 'стюардесса, проводница'; *kassör* 'кассир' — *kassörska* 'кассириша'; *massör* 'массажист' — *massös* 'массажистка'; *servitör* (кy-pare) 'официант' — *servitris* 'официантка'.

6. Наименования лиц, содержащие эмотивно-оценочный компонент, в которых ярко проявляется гендерная специфика:

beundrare 'поклонник, почитатель' — *beundrarinna* 'поклонница, почитательница'; *älskare* 'любownik, любитель' — *älskarinna* 'любовница, любительница'.

7. Имена мифологических персонажей:

fruktbarhets-/krigs-/kärleks-/seger-/sång-/ödesgud 'бог плодородия/войны/любви/победы/поэзии' — *fruktbarhets-/krigs-/kärleks-/seger-/sång-/ödesgudinna* 'богиня плодородия/войны/любви/победы/поэзии'.

8. Имена лиц с отрицательными коннотациями:

bondfångare 'мошенник, аферист' — *bondfångerska* 'мошенница, аферистка'; *äventyrare* 'искатель/любитель приключений, авантюрист, лихач' — *äventyrerska* 'искательница/любительница приключений, авантюристка, лихачка'.

9. Названия некоторых животных женского пола, содержащие коннотативный компонент и имеющие метафорическое употребление, в том числе (для первых двух слов) в сравнительных оборотах:

lejoninna 'львица', *tigrinna* 'тигрица', *varginna* 'волчица', *åsninna* 'ослица'.

Сюда же относятся и существительные *värd* 'хозяин' / *värdinna* 'хозяйка', имеющие выраженные гендерные коннотации, употребление которых остается актуальным в ситуациях, когда гостей принимают двое — мужчина и женщина. В тех случаях, когда гостей встречает кто-то один, этот человек (он или она) обозначается словом *värd*²⁰.

Таким образом, дифференциация имен лица по линии мужского/женского семантического рода имеет в шведском языке (как и в других языках с родовой дифференциацией, например в русском) асимметричный характер. Те существительные, в морфологической структуре которых содержится указание на семантический женский род, всегда содержат указание на гендерную принадлежность референта и почти всегда употребляются с различными эмотивно-оценочными коннотациями. Напротив, их лексические соответствия, бывшие раньше словами семантического мужского рода, в условиях равенства полов приобрели в шведском языке новую социально значимую функцию семантического общего рода.

Функционально-семантическая асимметрия осложняется социокультурными факторами внешней лингвистики, которые связаны с изменениями профессиональных традиций и обусловленного этим использования имен деятеля для женщин и мужчин. Так, существительное *bagare* 'пекарь', уст. 'булочник', употреблявшееся только применительно к мужчинам и лишь с 60-х годов прошлого века ставшее общим для всех обозначением профессии, изначально имело и женское соответствие *bagerska* уст. 'булочница' (профессия как род деятельности), 'жена булочника'. В то же время возникшие позднее и бывшие вначале также исключительно мужскими имена деятеля *läkare* 'врач', *teolog* 'теолог' раньше (в первом случае) или позже (во втором случае) стали обозначениями профессий как для мужчин, так и для женщин, не получив при этом женских соответствий. Существительное мужского рода *lärare* 'учитель', напротив, имело соответствие, в морфологической структуре которого содержалось указание на семантический женский род — *lärarinna* 'учительница'. Однако с самого начала различия в семантическом роде этих слов сопровождалось указанием на различный профессиональный и социальный статус референтов, поскольку женщины-учителя имели право преподавать только в начальной школе²¹. Позднее существительное мужского рода в соответствии с отмеченной выше общей тенденцией стало официальным обозначением профессии как мужчин, так и женщин, например: *När hon kom till Göteborg på sextioalet, blev hon lärare i engelska och franska*²² ('Когда она в шестидесятых приехала в Гетеборг, то стала учителем английского и французского'). Однако, несмотря на то что

существительное с женским суффиксом *lärarinna* приобрело пейоративную окраску (см. выше), по мнению шведских языковедов, семантическая дифференциация по роду между членами рассматриваемой словообразовательной пары с суффиксами *-are/-inna* сохраняется в тех случаях, когда общий контекст и/или коммуникативная ситуация предполагают указание на гендерную специфику референта. Поэтому высказывание *Min lärare väntar barn i vår* ('Моя учительница (букв. мой учитель) весной должна родить') и для современного носителя шведского языка звучит довольно странно²³.

Особенно ярко такая асимметрия проявляется в тех случаях, когда мужчины выполняют социальные роли, традиционно бывшие преимущественно женскими. Так, К. Грюнбаум остроумно заметила, что носителю шведского языка гораздо легче и естественнее называть женщину словом *magister* 'магистр, учитель средних и старших классов в общеобразовательной школе и гимназии' (в определенной форме используется также в качестве обращения), чем обращаться к мужчине, используя слово *fröken* уст. 'фрекен' (обозначение незамужней женщины и официальное обращение к ней), совр. 'воспитатель(ница) детского сада, учитель(ница) младших классов'. С середины 1970-х годов профессию медицинской сестры, традиционно называемую словом *sjuksköterska*, в Швеции стали получать не только женщины, но и мужчины. В связи с этим до сих пор остается открытым вопрос о выборе ее названия без коннотации гендерной принадлежности. В финляндском варианте шведского языка для этого используется существительное *sjukskötare* с суффиксом имени деятеля, который фактически получил функцию показателя семантического общего рода. В Швеции этого не произошло в силу экстралингвистических причин, поскольку существительное *skötare* используется для обозначения профессии санитара в психиатрических больницах. Так же непривычно и титульное обращение *syster Björn* или *syster Bengt* к мужчине, работающему медицинской сестрой, в которое входит термин родства, однозначно маркирующий семантический женский род²⁴.

Рассуждая о возможности вмешательства языковедов и нормализаторов, направленного на устранение естественно сложившейся в шведском обществе и — одновременно или вслед за ним — в шведском языке асимметрии, У. Телеман указывает на несколько альтернативных возможностей для направлений их деятельности²⁵:

1. Проводить линию невмешательства, предполагая, что изменения общественных тенденций, независимо от внешнего субъективного вмешательства, сопровождаются языковыми изменениями.

2. Объяснять неискушенным носителям шведского языка содержание и причины языковых изменений, связанных с социокультурными изменениями в шведском обществе.

3. Предпринимать попытки так или иначе изменить языковую норму, а вслед за нею и узус, пропагандируя те или иные языковые инновации. Применительно к обсуждаемой в этой статье теме речь может идти о четырех альтернативных употреблении для выражения семантического общего рода:

— принятого в английском языке двойного обозначения *han eller hon* (см. выше): *Om det är någon som vill röka så får **han eller hon** göra det utomhus* ('Если кто-нибудь захочет покурить, он или она может сделать это на улице');

— местоимения 3-го лица множественного числа *de*, в котором нейтрализованы различия как по грамматическому, так и по семантическому роду и одушевленности: *Om det är några som vill röka så får **de** göra det utomhus* ('Если кто-нибудь захочет покурить, они могут сделать это на улице');

— местоимения общего рода *den*, которое обычно используется при анафоре для замещения неодушевленных существительных: *Om det är någon som vill röka så får **den** göra det utomhus* ('Если кто-нибудь захочет покурить, то может сделать это на улице').

Наиболее кардинальной инновацией могло бы стать использование в официальной книжно-письменной речи финского местоимения семантического общего рода *hän* с измененной по аналогии с *den* орфографией: *Om det är någon som vill röka så får **hen** göra det utomhus*.

Тем не менее в действительности, несмотря на значительный прогресс шведского общества и усилия феминисток в области равноправия между мужчинами и женщинами, гендерные различия между ними по-прежнему остаются, хотя нередко и в измененном виде. Возможно, именно поэтому шведские лингвисты и нормализаторы женского пола более реально смотрят на вещи, чем мужчины той же профессии, признавая, что «в отношении к выражению мужского/женского начал нет подлинного равновесия ни в жизни, ни в языке»²⁶. Это всегда в большей или меньшей степени находит отражение в языке, о чем свидетельствует, казалось бы, такой незначительный факт, как семантический дисбаланс между двумя столь похожими друг на друга по форме и столь разными по лексическому значению существительными — *yrkesman* 'специалист, профессионал, мастер своего дела, умелец' и *yrkeskvinna* 'работающая женщина' (являющаяся квалифицированным специалистом)²⁷.

- ¹ *Grünbaum C.* Strövtåg i språket. Albert Bonniers Förlag, 1996. S. 113.
- ² *Lindgren B.* Förtjuserska men språkvårdare // *Språkets vård och värden*. En festskrift till Catharina Grünbaum. Norstedts Ordbok, 2004.
- ³ Ibid. S. 62.
- ⁴ Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. Utarbetad av Svenska språknämnden. Norstedts Ordbok, 2003. S. 488.
- ⁵ Språkriktighetsboken. Utarbetad av Svenska språknämnden. Norstedts Akademiska Förlag, 2005. S. 85.
- ⁶ *Grünbaum C.* Strövtåg i språket. S. 115; Språkriktighetsboken. S. 86.
- ⁷ *Jobin B.* Genus im Wandel. Studien zu Genus und Animitizität anhand von Personenbezeichnungen im heutigen Deutsch mit Kontrastierungen zum Schwedischen. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholmer Germanistische Forschungen 64. Stockholm, 2004. S. 78.
- ⁸ *Grünbaum C.* Strövtåg i språket. S. 115.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Språkriktighetsboken. S. 86.
- ¹¹ *Николаева Т. М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25–41.
- ¹² *Бодуэн де Куртенэ И. А.* О связи грамматического рода с мирозерцанием и настроением людей, говорящих языками, различающими род. [Лингвистические заметки]. Конспект рефератов, прочитанных в заседании лингвистической секции Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете 15 марта 1900 г. (Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Октябрь. Ч. 331. С. 367–374) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Теоретическое наследие и современность: тез. докл. Междунар. науч. конф. Казань, 1995. С. 10.
- ¹³ *Grünbaum C.* Språkbladet. Bokförlaget DN, 2001. S. 33.
- ¹⁴ *Grünbaum C.* Strövtåg i språket. S. 113–114.
- ¹⁵ Språkriktighetsboken. S. 82.
- ¹⁶ *Teleman U.* Han, hon eller vem som helst // *Språkvård*. 1995. № 1. S. 7.
- ¹⁷ *Grünbaum C.* Språkbladet. S. 33; Språkriktighetsboken. S. 83–84.
- ¹⁸ *Ekerot L.-J.* Ordföljd. Tempus. Bestämmdhet. Föreläsningar om svenska som andra språk. Malmö, 1995. S. 171, 182; *Bolander M.* Funktionell svensk grammatik. Falköping, 2004. S. 101.
- ¹⁹ *Мокин И. В.* Суффиксальное словопроизводство как продуктивный способ пополнения лексического состава современного шведского языка: автореф. канд. дис. М., 2011.
- ²⁰ *Lindgren B.* Op. cit. S. 61.
- ²¹ *Widmark G.* Kongruensförändring i språkvärderingsperspektiv // Fyra uppsatser om kongruens. Ord och stil 23. Uppsala, 1992. S. 18–19.
- ²² Svenskt språkbruk. S. 73.

²³ *Grünbaum C.* Strövtåg i språket. S. 116.

²⁴ Ibid.

²⁵ *Teleman U.* Op. cit. S. 8–9.

²⁶ *Grünbaum C.* Strövtåg i språket. S. 116.

²⁷ *Grünbaum C.* Språkbladet. S. 33.